

Литературная газета

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

№ 33 (349)

18 МАРТА 1934 года

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

◆ Вчера при разборке книжного фонда экспедиции областного энциклопедического комитета при Книжном палате обнаружена редкая книга — «Парижская коммуна» Людвиг Виттера. Этот том, на немецком языке изданный в Штутгарте в 1872 году, является одной из первых работ о великой Парижской коммуне. Находка будет передана в Институт Маркса и Энгельса.

М. ГОРЬКИИ

О ЯЗЫКЕ

Известно, что все способности, отличающие человека от животного, развились и продолжают развиваться в процессах труда; способность членораздельной речи развилась тоже на этой почве. В глубокой древности речь людей была, разумеется, крайне бедна, количественно и качественно. С развитием и совершенствованием языка, его словарный состав, грамматические формы, соответствующие современным: ругать, тащить, поднимать и т. д. слова измерительные: тяжело, коротко-долго, далеко-близко, горячо, холодно. Больно и пр. Даже наименование одной и той же вещи, когда человек на шаг вперед командовал кому-то: подай, принеси, помоги, отомсти...

Речь обогащалась новыми словами в прямой зависимости от расширения трудовых приемов, развиваемых возрастными разнообразиями целей труда и разнообразием условий этих приемов. Легко понять, что эта речь совершенно исключала даже в ней слов бессмысленных.

Тысячелетия тяжелейшего труда привели к тому, что физическая энергия трудовых масс создала условия для роста энергии разума, — интеллектальной энергии. Разум человеческий возгорелся в работе по реорганизации грубо организованной материи и сам по себе является не чем иным, как тонко организованной и все более совершенной энергией, излучаемой с ней и над ней — путем исследования и освоения ее сил и качеств. Классовая организация общества — это позволено преступником искусственному замедлению роста культуры, к тому, что она средоточивалась в руках меньшинства людей, и, наконец, к тому, что в наши дни обнаружилась поверхность, непременность этой культуры — обнаружилась готовность эксплуататоров отказаться от интеллектуальных ценностей и как бы зачеркнуть многовековой труд масс — фундамент культуры духа, — еданием которой буржуазия еще недавно гордилась и хвасталась как ее собственностью, ее достижением.

В глубочайших социальных сдвиганиях, развивавшихся издревле и до наших дней, не должны бы иметь места слова, лишние смысла, все они осмыслены правдой или ложью. Ложь и правда развились из одного источника: из общественных отношений, в основе коих заложена эксплуатация труда большинства меньшинством и борьба трудящихся против эксплуататоров. Наиболее усердными и жювими творцами были всегда теологи, церковники и философы, которые, идя по пути, указанному всевластной, свое время церковью и потребовали гибкую силу, неукротимую растительность разума на борьбу против всех ростков подлинной социальной правды. Но в среде этих людей были редкие случаи, когда порочный разум понимал трагедию трудового человечества и даже монахи начинали

говорить о необходимости изменения тягостных и позорных условий жизни трудового народа.

Теологи насрочили очень много слов, осмысленных ложью: бог, грех, бунд, ад, рай, геенна, смирение, кротость и т. д. Лживый смысл этих слов разоблачен, и хотя скорлупа некоторых — напр. слова «ад» — осталась, но наполняется иным, уже не мистическим, а социальным смыслом. Остаются в силе такие церковные словечки, каковы: лицемерие, двоедушие, скудоумие, лицемерство и множество других словечек, кои, к сожалению, утверждаются бытие фактов. Поэтому один из корреспондентов моих, утверждая «необходимость изгнать из языка церковно-славянские слова», стреляет мимо цели; изгонять нужно прежде всего постыдные факты на жизни и тогда сами собою исчезнут из языка слова, определяющие эти факты. В старом славянском языке все-таки есть веские, добротные и образные слова, но необходимо различать язык церковной догматики и проповеди от языка поэзии. Язык, а также стиль писем протопопа Авакума и «Житие» его остаются непреодолимым образом пламенной и страстной режой бояды, и вообще в старинной литературе нашей есть чему поучиться.

Откуда и как являются в языке, основанном на процессах труда, на попытках разъяснения или затеменения все растущей сложности общественных отношений, слова паразитические, лишние смысла? Есть очень простой ответ: всякий паразитизм порождается паразитами. Но ответить так — слишком просто, а потому — вредно.

Не помню, где, когда-то в юности я прочитал такое объяснение слова «ероко», которым наименован стиль внутреннего убранства жилища группа французских дворян, приглашенная буржуазией какого-то города на праздник, была порождена затейливостью и великодушием украинский мерин — городской дум; среди этих украшений особенно выделяется гальский петух, сделанный из цветов. Один из сельских людей, бывая, заика или же просто глупец, вскричал: «Ро-ро-ро, а спутники его подхватили: «Ко-ко-ко». И этого было достаточно, чтоб «отцы города» приняли бессмысленное слово, как наименование стиля украинский. Так как это — глупо, то можно думать: это — верно.

Но уже вполне бесспорно, что засорение языка бессмыслицами является отражением классовых вражд, поскольку она принимала формы презрения, пренебрежения, насмешливости, иронии. Феодальное дворянство Англии, Франции вышучивало и осмеивало речь буржуазии, когда буржуазияначала говорить языком своих — «светских» — философов, своих литераторов и стала более грамотной, более «вопитаннейшей», чем дворяне, воспитанные помани. В свое очередь буржуазия издевалась над языком ремесленников, крестьян и обесмысливала его точно так же, как наши крестьяне осмеивали, искажали, обесмысливали слова помещиков, дворян и вообще горожан.

Разумеется, засорение языка паразитическими, обесмысленными словами шло не только по этой линии, много вреда принесли и приносят в этот процесс бездельники. В полволжских городах засорение языка дрянными выдумками было одной из любимых забав господствующей купцов. Зима, жить — скучно, торговля идет тихо, редкие покупатели обслуживаются приказчиками, хозяева устали играть в шахи, устали чай пить, беседовать не о чем, но дар слова еще не утрачен. И вот Нижегородский купец Алябьев — «Торговля пенькой, лубком, рогожей» — размакает скачущих соседей, именуя игру в шахи — «аботия», даму — «барьерия», нушкин — «вытри козе», т. е. ватер-клетей. Или брад деве строчки старинной частушки:

«Меда баба сени —
Потеряла веник —
И прилаживала к ним собственные измышления:

Чорт велик нашел —
В баню париться пошел —
В бане мылась барыня —
Пудыще пудыще —
дальнейшее — неописуемо. Но было жутко смотреть, когда этот большому толстому человеку, с маленького головок подростка, с желтыми, опухшим личиком скопца, с жиденькими усиками, толстою, выглаженной мелкозубой, точно шука, выладал ярью и, притоптывая тяжелыми ногами, дергая руками подол дивейшей шубы, жирно всхрапывал и шлепал:

Пароходы-морозы
Гар-гар, гар-гар
Гадят Волгу, портят воду
Дым-дым, пар-пар
Возят кура, халд, шлюх,
Возят всякую стерву
Губят окуня, стерлядь
Эх, чух, чух, чух...

Хотя кучество за спину Алябьева посмеивалось над ним — «Паяц, клоуны», — но к «творческим» его припадкам относилось весьма серьезно, чувствуя в них некий смысл, и очень побавляло игры буйного его языка. «Мужик-вещий, понимаешь, чем ты не понимаешь» — говорил не Павел Морозов, торговец канатами и веревкой, увлекшийся «от скуки жизни» тем, что посылал слова, переставляя в них слоги: вместо не хочу, он говорил: «не хочу», сахар называл «карса», какаш — «кашка» и т. д. Но когда приказчик его Попов, прославившийся обжора, назвал праздник — «гразник», Морозов дал ему пощечину: «Не переставай, дурак, хозяин!».

Новые слова кучество и мешают по малогрмотности своей выдумывало с трудом и незатейливо. Когда уральские заводы Яковлева унаследовал Стенбок-

Фермор, гостиницы и прочие, могли правильно выговорить эту фамилию и произносили — Стоббок-Морков. Словесным хламом обаяло снабжал купцов и мешан паразиты: странники по святым местам, блаженные дурачки, короля типа Якова Корейши, «студента холодным языком», который говорил таким языком: «Не дай, а банды кололац». Огромную роль в деле порчи и засорения языка играл и продолжает играть тот факт, что мы стараемся говорить в Тифлисе коммунистически применительно к языку грузин, в Казани — татар, во Владивостоке — китайцев и т. д. Это чисто механическое подражание, оно вредно для тех, кому подражают, и тех, кто подражает. Неосновательно захваливая, преждевременно печатая сочинения начинающих авторов, учителя наносят явный вред литературе и авторам. В нашей стране каждый боец должен быть хорошо грамотным человеком, и «вожди», которые создают себе армию из неучей, вождями не будут.

Борьба за очищение книг от «неудачных фраз» так же необходима, как и борьба против речевой бессмыслицы. С величайшим огорчением приходится указать, что в стране, которая так успешно — в общем — восходит на высшую ступень культуры, язык речевой обогащается такими нелепыми словечками и поговорками, как, например: «мура», «буза», «вольтинг», «шамаль», «дай пятак», «на большой палец с присмычкой», «на ять» и т. д. и т. п.

Мура — это черствый хлеб, томченый в ступке или протертый сывоз терку, смешанный с луком, политый конопляным маслом и разбавленный квасом; «буза» — опьяняющий напиток, «волянка» — музыкальный инструмент, на котором можно играть и в быстром темпе, «ять» как известно, буква, вычеркнутая из алфавита. Зачем нужны эти словечки и поговорки?

Надо помнить, что в словах заключены понятия, организующие долговечным трудовым опытом, и что одно дело — критическая проверка смысла слов, другое — искажение смысла, вызванное сознательным или бессознательным стремлением исказить смысл идеи, враждебность которой почувствована. Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры. Чем острее это орудие, чем более точное и направленное — тем оно победоноснее. Именно поэтому одна всегда стремится притуплять язык, другие — «оттачивать» его.

Здесь я снова вынужден сказать несколько слов о Ф. Панферов, человеке, который стоит во главе журнала и учит молодых писателей, сам будучи видимо неспособен или не желая учиться. В предисловии к сборнику «Наше поколение» он пишет о «книжках и людях, рабски преданных классическому прошлому», о людях, «которые за пару не удачных фраз дрыгались на костер любую современную книгу». Он утверждает, что «после постановления ЦК писатели пошли, как пятаки», «что молодое поколение идет в литературу плоть и кровь наших

детей. Какой смысл имеет фраза: «молодое поколение несет в литературу плоть и кровь наших детей»? Что значит «классическое прошлое»? Почему Панферов утверждает в предисловии к сборнику «Наше поколение», что «марксизм — стена»? Я утверждаю, что эти слова сказаны человеком, который не отдает себе отчета в смысле того, что он говорит. «Пятаки» — рыбашка мелкая и невкусная, многие молодые люди идут в литературу как в «отхожий промысел» и смотрят на нее как на легкий труд. Такое отношение к литературе упрямому внушается молодым людям наставниками и «учеными жюри» типа Панферова. Неосновательно захваливая, преждевременно печатая сочинения начинающих авторов, учителя наносят явный вред литературе и авторам.

В нашей стране каждый боец должен быть хорошо грамотным человеком, и «вожди», которые создают себе армию из неучей, вождями не будут.

Борьба за очищение книг от «неудачных фраз» так же необходима, как и борьба против речевой бессмыслицы. С величайшим огорчением приходится указать, что в стране, которая так успешно — в общем — восходит на высшую ступень культуры, язык речевой обогащается такими нелепыми словечками и поговорками, как, например: «мура», «буза», «вольтинг», «шамаль», «дай пятак», «на большой палец с присмычкой», «на ять» и т. д. и т. п.

Мура — это черствый хлеб, томченый в ступке или протертый сывоз терку, смешанный с луком, политый конопляным маслом и разбавленный квасом; «буза» — опьяняющий напиток, «волянка» — музыкальный инструмент, на котором можно играть и в быстром темпе, «ять» как известно, буква, вычеркнутая из алфавита. Зачем нужны эти словечки и поговорки?

Надо помнить, что в словах заключены понятия, организующие долговечным трудовым опытом, и что одно дело — критическая проверка смысла слов, другое — искажение смысла, вызванное сознательным или бессознательным стремлением исказить смысл идеи, враждебность которой почувствована. Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры. Чем острее это орудие, чем более точное и направленное — тем оно победоноснее. Именно поэтому одна всегда стремится притуплять язык, другие — «оттачивать» его.

Здесь я снова вынужден сказать несколько слов о Ф. Панферов, человеке, который стоит во главе журнала и учит молодых писателей, сам будучи видимо неспособен или не желая учиться. В предисловии к сборнику «Наше поколение» он пишет о «книжках и людях, рабски преданных классическому прошлому», о людях, «которые за пару не удачных фраз дрыгались на костер любую современную книгу». Он утверждает, что «после постановления ЦК писатели пошли, как пятаки», «что молодое поколение идет в литературу плоть и кровь наших

детей. Какой смысл имеет фраза: «молодое поколение несет в литературу плоть и кровь наших детей»? Что значит «классическое прошлое»? Почему Панферов утверждает в предисловии к сборнику «Наше поколение», что «марксизм — стена»? Я утверждаю, что эти слова сказаны человеком, который не отдает себе отчета в смысле того, что он говорит. «Пятаки» — рыбашка мелкая и невкусная, многие молодые люди идут в литературу как в «отхожий промысел» и смотрят на нее как на легкий труд. Такое отношение к литературе упрямому внушается молодым людям наставниками и «учеными жюри» типа Панферова. Неосновательно захваливая, преждевременно печатая сочинения начинающих авторов, учителя наносят явный вред литературе и авторам.

В нашей стране каждый боец должен быть хорошо грамотным человеком, и «вожди», которые создают себе армию из неучей, вождями не будут.

Борьба за очищение книг от «неудачных фраз» так же необходима, как и борьба против речевой бессмыслицы. С величайшим огорчением приходится указать, что в стране, которая так успешно — в общем — восходит на высшую ступень культуры, язык речевой обогащается такими нелепыми словечками и поговорками, как, например: «мура», «буза», «вольтинг», «шамаль», «дай пятак», «на большой палец с присмычкой», «на ять» и т. д. и т. п.

Мура — это черствый хлеб, томченый в ступке или протертый сывоз терку, смешанный с луком, политый конопляным маслом и разбавленный квасом; «буза» — опьяняющий напиток, «волянка» — музыкальный инструмент, на котором можно играть и в быстром темпе, «ять» как известно, буква, вычеркнутая из алфавита. Зачем нужны эти словечки и поговорки?

Надо помнить, что в словах заключены понятия, организующие долговечным трудовым опытом, и что одно дело — критическая проверка смысла слов, другое — искажение смысла, вызванное сознательным или бессознательным стремлением исказить смысл идеи, враждебность которой почувствована. Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры. Чем острее это орудие, чем более точное и направленное — тем оно победоноснее. Именно поэтому одна всегда стремится притуплять язык, другие — «оттачивать» его.

Здесь я снова вынужден сказать несколько слов о Ф. Панферов, человеке, который стоит во главе журнала и учит молодых писателей, сам будучи видимо неспособен или не желая учиться. В предисловии к сборнику «Наше поколение» он пишет о «книжках и людях, рабски преданных классическому прошлому», о людях, «которые за пару не удачных фраз дрыгались на костер любую современную книгу». Он утверждает, что «после постановления ЦК писатели пошли, как пятаки», «что молодое поколение идет в литературу плоть и кровь наших

СОБРАНИЕ ПИСАТЕЛЕЙ ЛЕНИНГРАДА

ДОКЛАД тов. ПОЗЕРНА

ЛЕНИНГРАД. (По телеграфу).

16 марта состоялось многолюдное собрание писательского актива Ленинграда, посвященное докладу т. ПОЗЕРНА о XVII съезде ВКП(б) и задачах писателей. Яркое и интересное выступление, в котором обрисована обстановка, в которой происходила партия, необычайная сплоченность партии вокруг Ленинского ЦК и вождя т. Сталина, охарактеризованы великие задачи второй пятилетки, сформулированные съездом, т. Позерн очертил роль и задачи партии в реализации решений партийного съезда. В частности т. Позерн подробно остановился на вопросах творческой взаимопомощи и творческой самокритики в писательской среде и заострил вопрос о решительной борьбе за качество литературной продукции. — Борьба за высокое качество советской литературы, — говорит т. Позерн, — должна стать задачей всех писателей.

Обсуждая доклад тов. Позерна, почти все писатели и критики Ленинграда подчеркивали огромное значение последних статей Горького в борьбе за качество нашей литературы.

— Когда Горький, — сказал Н. ТИХОНОВ, — поднял вопрос о качестве писательской продукции, он был прав, как настоящий литератор, который не стареет с годами, который не ест супа из листьев соб-

венной славы. Горький продолжает работать с удвоенной энергией, сравните язык горьковских произведений времен «Мальвы» и времен «Клима Самгина» и вы увидите колоссальный творческий путь. Когда мы начинали работать в литературе, — заявляет т. Тихонов, — мы упорно дрались, мы тогда были беспощадны к своим произведениям. Сейчас мало кто из «мастятых» писателей сжигает неудачную рукопись. Беспощадность должна остаться, возраст здесь не при чем. Огромная ответственность перед эпохой, приближаться к которой — дело чести советского писателя.

— Надо говорить о вопросах, поднятых Горьким, не боясь резкости, — заявляет М. КОЗАКОВ, сударь, пришедший по Панферову, почувствовал мы все.

— Дискуссию, начатую Горьким, надо продолжать, — говорил т. КАМЕГУЛОВ и др.

В своем заключительном слове г. ПОЗЕРН указал, что работу Ленинградского оргкомитета ЦСП необходимо перестроить, уделяя основное внимание творческим вопросам. Необходимо провести творческий смотр ленинградских писателей, которые включаются затем во всеобщий смотр на съезде писателей страны Советов.

Б. РЕСТ.

СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ БАШКИРИИ

УФА (по телеграфу). В доме Красной армии открылся I башкирский съезд советских писателей. Отчет Оргкомитета подтвердил, что в борьбе за поднятие качества литературной продукции проделана значительная работа. Оргкомитетом организовано 40 литературных кружков, созданы русская, марийская и чувашская секции, начата работа с молодыми авторами. К своему съезду писатели Башкирии пришли с рядом больших произведений, например, «Кровь

машин» — новый роман Аввала Тагирова о борьбе за башкирскую нефть, «Кровь» — роман Юлтыяева, поэма Марат «Побеждающая жизнь», поэма Каимпудина «Страна победителей» и др. Съезд обсуждает вопросы о башкирской литературе за пятнадцать лет о состоянии критики башкирской литературы. На съезде будет утвержден устав союза и проведены выборы.

ГРЕДЕЛЬ

ГРУППА УЧАСТНИКОВ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ (по материалам ИМЭЛ)

1871 г. — 1934 г.

НАШТУРМЕНЕБА

СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ ХЛОПКА

ТАШКЕНТ. (По телеграфу). 7—12 марта в Ташкенте проходил съезд ЦСП Узбекистана. Съезд отразил небывалый подъем литературы Узбекистана. Съезд писателей республики хлопка был съездом творческой мобилизации литературных сил. За эти годы выросла проза, отражающая возмущение литературной, и, что особенно отрадно, драматургии. Писатели пришли к съезду с творческими произведениями, поэмами Гафур Гулама «Кукан», «Узбекистан», Абдула Кадри «Габил Кетмень», писем Зин Саидова, С. Карова Фахрудина, Яшина и др. В дни съезда вышло несколько литературных альманахов на языках национальности Узбекистана.

Съезд объединил литературные силы республики, включая самые отдаленные ее районы — Хорезм, Срхан, Дарья. На съезде впервые были собраны представители массового литературного движения республики и носители народного творчества. Устойчивое творчество приобщается к мощному потоку советской литературы.

Этот был съезд творческой перестройки писателей. Призывы вождя партии тов. Сталина — учиться жизни — прозвучал с трибуны съезда в докладе председателя Оргкомитета ЦСП Узбекистана Маджида и в большой, обстоятельной речи секретаря ЦК КП(б)У Икрамова, выступление которого отразило поддержку и внимание, которым окружила литературу парторганизация Узбекистана.

Наиболее ярко выразил творческий подъем писателей поэт Гафур Гулам. В своей речи он заявил: «Семнадцатый съезд партии открыл передо мной новые горизонты. Я написал две поэмы, ряд прозаических произведений. В поэме «Кукан» я стремился показать рождение нового человека, к этой же теме я обращаюсь в новом романе из колхозной жизни. Мое творчество оплодотворяет великодушная социалистическая действительность. В прошлом году я провел полгода в кишлаке, там я увидел своего героя и читателя».

С речью Гулама перекликались выступления писателя Садреддина Алии, рассказавшего о работе над романом «Раб», осмысливающим историческое прошлое Средней Азии и создание новой радости.

жизни вчерашними рабами, а также речи ряда других писателей.

Повышению воспитательного воздействия литературы посвятил свой доклад тов. Маджид, подробно проанализировавший развитие литературы Узбекистана. На эту задачу обратил внимание съезда и Зин Саидов, подводящий итоги выступлению вопросам драматургии. Действительности не отменяет работы писателя над своим мировоззрением, овладением высотами мировой культуры, литературным мастерством. Об этой основной задаче молодой узбекской литературы говорил тов. Анкабай, в докладе о работе с начинающими писателями. Здесь сделаны еще только первые шаги. — заявил т. Анкабай, — создан центр марксистского литературоведения — ЛИЯ, изданы на узбекском языке высказывания Маркса и Энгельса об искусстве, переведен ряд произведений классиков русской и мировой литературы, издаются образцы узбекского фольклора. Однако все еще резко отстает критика, плохо помогающая литературному молодому. Оргкомитет еще не охватил руководством литературы предприятый, особенно колючей, отсюда в литературу идут народные таланты.

Съезд демонстрировал братское единство литератур народов СССР. В нем участвовали писатели Башкирии, Туркмени, Казахстана, Таджикистана, обменявшиеся опытом перестройки, а также члены бригады ОК ЦСП, тт. Гусев, Стонин, Умаров, Мазина, рассказавшие съезду о предстоящей коллективной работе московских и узбекских писателей над сборником об Узбекистане, над подготовкой к всесоюзному съезду. Громадное значение для обложения литературы Советского Союза играют переводы. В деле популяризации узбекской литературы положительную роль сыграл ряд русских писателей Узбекистана: Лаврентьев, Титов, Омский и др. Однако культура перевода стоит еще на высоте.

Съезд избрал делегатов на все союзный съезд писателей, а также руководящие органы союза.

12 марта состоялся пленум комитета, избравший президиум в составе тт. Сафарова, Зин Саидова, Михаила Алексеева, Анкабая и др.

ЛАВИ МАДЖИ

73 дня революционной власти парижских рабочих прочно вошли в историю как начало новой эпохи. Не объединение Германии или Италия, не битва при Седане (1870) и Сольферино (1859), а Коммуна будет для будущих историков началом той эры возрождения человечества, которая связана с торжеством пролетарской революции. Парижская Коммуна провозгласила борьбу против бога, царя и бога. Царство труда и науки должно было заменить общество эксплуататоров.

Не только в области политики и экономики, но и в области культуры революция 18 марта внесла немало принципиально нового. Вместо культуры, чьей опорой служил «бог и палач», должна была быть построена новая культура социалистического общества. Чтобы понять исторический смысл Коммуны, стоит вспомнить выступление работницы, имя которой осталось для нас неизвестным, 18 мая в церкви «Святой троицы», церкви, превращенной в революционный клуб: «На наш взгляд та социальная язва, которую необходимо уничтожить в первую очередь, — это хозяева, эксплуататорские рабочего, его пот, труд, хозяева, которые смотрят на рабочего лишь как на рабочую машину. Пусть работники объединяются, пусть они трудятся сообща, и тогда они будут счастливы. Разве не являются богачи основными пороком современного общества? Они много пьют и много веселятся, но совершенно не трудятся. Их необходимо искоренить так же, как попов и монахов. Мы будем счастливы только тогда, когда избавимся от хозяев, богачей и собственников».

На этой основе Коммуна решила строить новую культуру. Революционная публицистика, газеты коммунаров только присоединялись к этому требованию масс.

В иерархии образования народных масс было передано католическим священником; сутана царя в стране, где по крайней мере 27 проц. населения было безграмотным. Армия в 40 тыс. священников и 50 тыс.

монахов диктовала свою волю империи. В эти годы папа римский провозгласил догмат непогрешимости. В годы, когда была опубликована теория Дарвина и «Критика политической экономии» Маркса, Рим готовил знаменитую энциклику, в которой предавал анафеме науку и демократию; в апреле 1870 года принято было решение о непогрешимости папы. Виктор Гюго напоминал всему культурному человечеству: «Рим имеет множество рук. Передав воспитание в руки духовенства, мы передаем в его руки правительство. Рим хочет завоевать Францию. Ему необходимо оказать сопротивление». Об этом писал автор «Интернационала»:

И вы с крестами и писанье Монахиенчае все свой век, Идете рыться в завещанье... Хоть еще дышет человек... Дарохранительница с вами, Жонглерских шариков принот, Торгуйте ж старыми вещами... Коммуна железной метлой прогнала по поповской Франции. Борьба за светское и демократическое образование была одной из ее основных задач. Образование это должно было быть построено на трудовом принципе: необходимо было воспитать гражданина грядущей социалистической республики.

Не только декреты Коммуны, но и усилия местных властей, рабочих клубов и учительских организаций, усилили все революционные работы Парижа направлены были на создание светской культуры.

Молтва должна была уступить место науке, законам логики. Но это было только выполнением части задач по строительству новой культуры. Коммуна обратилась с первых дней своего существования серьезное внимание на вопросы профессионального образования, организации школ рисования, лепки, скульптуры. Она затронула о ипотенциальное научно-литературное образование) трудящихся. Это было не суммой случайных практических мероприятий, это была продуманная система социалистического воспитания. Коммуна организо-

вала специально дошкольное воспитание для беспрозорных детей, их воспитание взяло на себя государство. Оно воспользовалось для этого монастырскими школами.

В поле внимания деятелей Коммуны была и высшая школа. Уже в апреле, спустя месяц после завоевания власти, комиссия просвещения решила принять меры, чтобы медицинские факультеты обслуживали революционную армию и трудящееся население.

21 апреля Коммуна занялась организацией Национальной библиотеки, открыл ее богатства для пользования широкой публики. Коммуна уполномочила старшего директора Национальной библиотеки, слугу Версаля, и назначила руководителем ее преданного друга Коммуны, ученого Э Реклю.

Ряд мер были приняты в области поощрения изобразительных искусств, музеев, в области театра и музыки. Знаменитый Курбе, президент федерации художников, взял на себя срочную задачу привести музеи Парижа в нормальное состояние и открыть их для обозрения публики. Не забудем, что это решение было принято в самый разгар войны с Версалем. Гюстав Курбе должен был одновременно приступить к организации ежегодной выставки на Елисейских полях. Художники, наиболее передовые и чуждые, перешли на сторону революции, взяли на себя функции администраторов. Курбе обратился к художникам Парижа с воззванием прийти на помощь революции. Он писал: «Взаны взять! Париж спас Францию от позора и унижения. Генеральной интуицией он понял, что он может бороться с отсталым врагом старым оружием... Довольно! Восемнадцать веков подряд гибли, изнемогая, сильные духом, героический народ Парижа одолев версальских жандармов и палачей. Человек будет сам управлять собою». На его призыв откликнулось немало литераторов и художников революционеров.

Стоит только процитировать на-

чала декрета Курбе, делегата Коммуны, о театральной политике, чтобы понять всю ложь буржуазной историографии, до сих пор утверждающей, что революция 18 марта «игнорировала культуру». Театры были переданы артистическим коллективам. Тем самым были уничтожены частные предприятия и их ассоциации, эксплуатировавшие артистов и зрителей. Деятели искусства, артисты, художники, литераторы были объединены в особые федерации, которые организовывали республиканские элементы «великой семьи артистов».

Приходится удивляться той огромной и всесторонней работе, которую проводила Коммуна для строительства новой культуры. Не только в области школы, высшего образования, искусства, но и в быту сделано немало, чтобы провозгласить новые принципы революции. Переиспользовались улицы, площади, удалялись книги и газеты, свергались памятники и колонны, символы славы старой Франции, воздвигались новые памятники во имя социалистической революции. Так свергнута была Вандомская колонна, этот «варварский монумент, символ грубой силы и ложной славы, апология милитаризма, отрицание международного права, символа постоянного издевательства победителей над побежденными, символ вечного посягательства на один из трех главных принципов французской республики — на принцип братства». Но Коммуна воздвигла памятник Флансу, одному из тех, кто погиб в борьбе с Версалем. Она разрушила церковь Бреа, поставленную в честь палачей июньских бойцов 1848 г. Она разрушила искусственную часовню в честь Людовика XVI. Она приняла ряд мер для политического просвещения масс во имя единства великой цели — революции трудящихся масс.

Все эти краткие замечания наилучшим образом подтверждают ту истину, что Парижская Коммуна была прообразом грядущей диктатуры пролетариата, несмотря на все свои ошибки, ошечки, послужившие

основной причиной ее гибели. Она вскрыла «тайну XX в.» — торжество пролетарской революции.

5 апреля 1871 г. центральный комитет Национальной гвардии, вооруженная сила Коммуны, опубликовал воззвание к народу. В нем было заявлено: «Рабочие, не обманывайтесь: идет великая борьба между паразитизмом и трудом, между эксплуатацией и производством. Если вы устали косеть в неволе и прозябать в нищете, если вы хотите, чтобы наши дети сделали людьми, пользующимися плодами своего труда, а не животными, выдрессированными для мастерской и для казармы, чтоб отдавать своим потом богатства эксплуататорам, чтоб проливать свою кровь ради какого-нибудь деспота, если вы не хотите, чтобы ваши дочери, лишние необходимые надзора и воспитания, становились орудием наслаждения в руках денежной аристократии, если вы не хотите, чтобы разврат и нужда толкали мужчин в ряды полиции, а женщин к проституции, если вы хотите, наконец, царства справедливости, будьте смелы, рабочие, восстаньте, пусть ваши сильные руки извернут презренную реакцию. Это был призыв к штурму небес».

Недавно опубликованы на русском языке «Протоколы Коммуны». Прекрасная книга! Она рассказывает о великой борьбе Коммуны из дня в день. 73 дня продолжался штурм небес. Скупые на слова протокольные записи вскрывают истинные поиски коммунаров, поиски руководящей силы — коллективного вождя, партии, которая направляла бы их борьбу против Версаля. Протоколы Коммуны вместе с тем — трагичный документ, свидетельство незрелости и слабости революционных сил передового авангарда пролетариата, вступившего пионером в деле борьбы за пролетарскую революцию. Коммунары штурмовали небо: они были великим прообразом грядущей пролет

За честную работу писателя и критика

ЕЩЕ РАЗ О „МУЖИЧЬЕЙ СИЛЕ“

Многие из советских писателей (в том числе и автор этих строк) по-прежнему в злоупотреблении эмоциями, в излишней субъективности, в неадекватности критических суждений. Большинство из нас привыкло, в той или иной мере, и другие литературные недостатки. Но утверждать за собою право плохо писать, да еще поучать тому же молодых писателей — на это хватало смелости у одного лишь Ф. Панферова.

М. ШОЛОХОВ

Общезвестно, какой конфуз претерпел Панферов, выступивший с заключительным словом на дискуссии о «Брускох» в несомненно резко утвердивший, что пишет он «языком миллионов». О Панферове, в достоянии мере разоблаченном А. М. Горьким, пожалуй, можно бы больше и не говорить, если бы не было у него многочисленных последователей, загромождающих литературу антихудожественными, литературно-безграмотными и безалайными произведениями, если бы Панферов, присваивающий себе роль литературного вождя, не пытался возлагать этот отряд литературных браконьеров, если бы сам Панферов писал не по принципу «если из 100 слов останется 5 хороших, а 95 будут плохими, и то хорошо».

«Панферов работает над четвертой книгой. И еще многие тома (15—20 томов — это не фантазия критика) он должен будет создать, чтобы коллективизация получила свою «Человеческую комедию».

Ну, что касается памятника, то памятники, как известно, разные бывают. Статья Васильковского, по моему глубокому убеждению, тоже останется для будущих поколений монументальным памятником о тех временах, когда критика еще была безответственной. Выяснить все же пожелания, разумеется, никому не возбраняемо, но об обязанности критика Васильковский должен был прямо и четко предупредить Панферова о том, что если он осуществляет пожелание Сергея Васильковского — и напишет еще 15—20 томов так, как написал первую три тома «Брусков», то это событие будет уже не предметом для литературной дискуссии, а целым стихийным бедствием.

В том же номере «Литературной критики» напечатана статья К. Зеллинского «Интересы профессии». Сколь бы по поводу того, что действительность постигается критиком больше из газет, Зеллинский пишет: «Равно можно, например, понастоящему написать об «Энергии» Гладкова и не знать Днепровского строительства? Очень не трудно предложить Гладкову ряд языковых советов. Но действие художественного образа, его идейно-воспитательная, поинтересная, наконец, роль в массе читателей может быть полностью установлена только посредством критики, как созданной художественный образ будет поставлен в связь с действительностью».

И дальше: «Вот вышла третья книга «Брусков» Панферова. Дегустатору и оценщику нечего будет с ней делать. Надо знать колхозное движение, знать деревню и колхозника, знать партию и ее работу в деревне, чтобы иметь право писать об этой книге. Много ли среди критиков-профессионалов найдется таких универсально-образованных людей?»

Нужно в понимании Зеллинского слово художественного произведения столь маловажный предмет, что писать только о языке ниже достоинства серьезного критика? Короткая, деловая и — на первый взгляд — «однобокая» статья во много раз важнее для писателя и читателя, нежели какой-нибудь многословный, «всеобъемлющий» и, зачастую, псевдоученый труд. Это во-первых. Во-вторых, в наше время давно пора перестать рассматривать критику лишь как работу критика, а работу критика, как работу некоего посредника, ничего не приобретающего и не теряющего ни от успеха книги, ни от провала ее. Я склоняюсь по-прежнему рассматривать работу критика, не принадлежащего к рядам кулиевско-образованных. Слов нет, было бы гораздо лучше, если бы жанр деятельности и воочию виделась жизнь. Но коли нет у него этих знаний, — пусть хотя о языке пишет, пусть хотя этим поможет писателю сделать книгу более полной и звучней.

А писатель будет и за эту помощь благодарен. И благодарен будет вовсе не потому, что признает критику лишь как работу критика, а потому, что в преобладающей большинстве мы, писатели, все еще далеки от совершенства во владении языком. Да и с критикой у нас сейчас как на строительстве: никому стоять в стороне без дела нельзя, тем более критику. Не имеешь должных знаний — учись, а пока, если не способен на большее, — подноси хоть кирпич!

Одной из основных причин увеличения литературного брака является отсутствие добросовестной, сбалансированной, объективной критики. Давно бы надо сделать эту необходимую работу и поднять на свои плечи хотя часть той ответственности, которую должен нести писатель за недоброкачественную продукцию. Только при преступном попустительстве критики плохая книга выдерживает многочисленные издания, да еще служит руководством для начинающих писателей.

Второй из причин, способствующих расширению литературного брака, является процветающая и все возрастающая ЦК от 23 адреса групповщины. И Панферову, не устоявшему до сей поры ягарт диктандоранную РАППа, не мешало бы всерьез пересмотреть вопрос о творческой группировке, которую сам он возглавляет. Если бы «самокритика» в этой группе не шла по линии «кукушка хвалит петуха, а петух кукушку», то и «Бруски» были бы на несравненно высшем художественном уровне; во всяком случае не было бы тех «сопосок», на которые справедливо указал Панферову Алексей Максимович.

Статья А. С. Серфимовича «О писателях «облаченных» и «необлаченных», исполненная настоящего желания оправдать плохую работу Панферова, получила заслуженную оценку и в редакционной статье «Литературной газеты», и в открытом письме А. М. Горького. Не может не вызвать недоумения восхищение А. С. Серфимовича образом из третьей книги «Брусков», взятым для подтверждения той пресловутой «мужичьей силы», которая, по словам А. С. Серфимовича, сидит в Панферове:

«Да там, брат, у тебя у забора на заду лопашь сидит и жует сабор». «Вдумайтесь в смысл этого образа. Как здесь много сказано и до какой степени скатано! На заду лопашь сидит? Да ведь этого не забудешь никогда, и это жучко! — восклицает А. С. Серфимович.

«Еще и еще раз переиздавая третью книгу «Брусков», будущий критик к ней несомненно добавляет по-другому, а может и... строжее».

«Здорово сделано? Вот тут и поговорим, что критика наша все еще несовершенна...»

Хотя в некоторой доле «объективности» Васильковскому отказывать нельзя. На стр. 64 он пишет: «Еще и еще раз переиздавая третью книгу «Брусков», будущий критик к ней несомненно добавляет по-другому, а может и... строжее».

Жучко не это, а сам образ жучко по своей надуванности, неправдоподобию и элементной безграмотности. Ведь истинная лопашь не садится, а ложится, в сидячем положении (в котором, кстати, бывает она лишь тогда, когда пытается встать) не корчится, а в том случае, если сама она не в состоянии подняться и стоять, — ее поднимают, затем подвешивают. Это же не образ, а очередная «сопоска». Точно так же непонятно, как может лопашь «жевать» сабор. Пожалуй, понятно это будет только тому, кто не видит различия между словами «грызет» и «жуёт».

Тысячу раз прав Алексей Максимович, когда он пишет: «Кто-то редактирует, кто-то наладит обильнейший словесный брак, какие-то безответственные люди хвалят эту продукцию безответственных браконьеров, хвалят, очевидно, по невежеству и по личным симпатиям к автору».

Думаю, что не личные, а групповые симпатии заставили Александра Серфимовича оправдывать и хвалить плохую работу Панферова. Покрыл он на старости лет душу, а не надо бы!

Пришла пора говорить о литературе настоящим мужественным языком и вещи называть их собственными именами. Нам нужны и доподлинно новые слова, созданные революцией, и новаторство в литературной форме, и новые книги, рисующие величайшую из эпох в истории человечества. Но только тогда сумеем мы — писатели — создать такие произведения, которые будут стоять на одном уровне с эпохой, когда научились и новые слова тащить в литературу, и книги писать не по панферовскому рецепту, а наоборот: чтобы 95 слов были отличными, а остальные 5 хорошими; когда новаторство будет шагать дальше незамысловатого переименования глав в «записки», «эвенты», «эпидришки» и т. п.; когда критика наша прекратит либеральное сюсюканье и покровительственно-родственное отношение к писателю («хоть сомывое, да мое»); когда станет она доподлинно революционной, беспощадной, суровой и не закрывающей перед правдой глаза; когда перестанут групповые завывания кричать на литературных пререклестах, расхвалять «сопосок» писателей и порочить «знаковерушечки».

Только при этих условиях выполнят те многочисленные, широковещательные обещания, которые давали мы советской общественности. Иначе же так и останемся «честными болтунами» и творцами посредственных произведений.

Ст. Вешенская, 4 марта 1934 г.

Появившиеся за последние недели статьи А. М. Горького, посвященные вопросам художественных произведений наших писателей, вызвали весьма оживленные отклики как со стороны писателей, так и со стороны массового читателя. Это совершенно понятно именно потому, что статьи А. М. Горького касаются формы художественных произведений в широком смысле и никак не могут быть сведены к вопросу о грамотном литературном языке, как это пытаются истолковать некоторые товарищи.

Странно сейчас снова и снова повторять такую простую и, казалось бы, общезвестную истину, что форма, определяемая в основном содержанием, тем не менее не безразлична к нему и имеет обратное влияние на содержание. Пренебрежение к форме зачастую снижает содержание, искажает его. Именно на это указывает в своих статьях и в открытом письме к А. С. Серфимовичу Алексей Максимович. И именно этого не понимал его оппонент. К числу их, к сожалению, относится такой авторитетный писатель, как А. С. Серфимович. Глубоко уважая его и цени его заслуги перед советской литературой, мы именно поэтому не можем оставить без ответа его выступление, т. е. даже мелкие ошибки большого и популярного писателя могут оказать вредное влияние на привыкший к нему писательский молодежь.

В ответе А. М. Горькому т. Серфимович пишет, что он и не думал в своем опубликованном «Литгазет» выступлении под заголовком «О писателях «облаченных» и «необлаченных» утверждать за т. Панферовым право остаться таким, каков он есть, не заботясь о дальнейшем его техническом и культурном росте. В доказательство т. Серфимович приводит выдержку из своего выступления, говорящее о том, что местами у Панферова хромает язык, что иногда слабы образы. Все эти указания в выступлении т. Серфимовича действительно сделаны, но лишь для того, чтобы заявить, что если бы Панферов от этих своих недостатков освободился, то он перестал бы быть Панферовым, то была бы выхожена вся суть его творчества. Что другое могут означать следующие строки: «Итак, что же это или хорошо? (необязательно «хорошо» творчество Панферова.—Ред.). А может быть, лучше, если бы он был «облаченным», почему не быть вынужденным, почему торчать коряво, почему не обрезать и придать форму. Ведь работают над этим писатели, вовсе не в укор им».

«Но я думаю, что если бы Панферов к этому стремился, так он всюду наш Ред.). Такой уж он. Такого мать с отцом родили, и ничего не поделаешь. Сидит в нем мужичья сила и ее не вырастет из сознания».

И дальше: «Когда читаешь Панферова, иной раз забываешь не так нужно, иначе, я бы иначе это сделал. Но я знаю, было бы обиднее, по стихийности, но внутреннему слуху вещь бы потеряла, ту силу, которая пронизывает все его творчество. (Курсив наш Ред.). Стихия внутри и снаружи, она повсюду, она, как гро-

мидный пень, торчит во все стороны. Все это не утверждение, правду сказать. Панферов пишет, «коряво», разве это не самое преклонение перед стихийностью «мужичьей силы», перед стихийностью творчества?»

Тов. Серфимович полагает, и это чувствуется во всем тоне его ответа Алексею Максимовичу, что он выступает «на защиту» т. Панферова и всей советской литературы от «нападок» на них М. Горького. В действительности дело обстоит иначе. Творчество Ф. Панферова, талантливое пролетарское писателя, и вся растущая, развивающаяся, богатая советская литература дороги, конечно, и М. Горькому, ее родоначальнику, под могучим влиянием которого она росла и крепла. Советская литература дорога и редакция «Литгазеты», присоединившаяся к выступлению А. М. Горького, не в этом, а в том, какие стороны творчества Панферова или другого писателя считать ценными, что в нем считать наиболее ценным. Мы полагаем, что вся советская общественность и партия ценят в т. Панферове то, что он в своем творчестве показывает, как благодаря руководству пролетариата изменяется сознание трудящегося крестьянина. Панферов показывает пути, ведущие к уничтожению противоположности между городом и деревней, к построению бесклассового общества. Он показывает, как крестьянская стихия заменяется организованным коллективом.

Тов. Серфимович, оказывается, считает самым ценным в Ф. Панферове как раз эту мужичью стихию. Тут уже приходится защищать т. Панферова от т. Серфимовича. На основании недооценки роли сознания и преклонения перед стихийностью неоднократно указывали и Ленин и Сталин.

Теория стихийности есть теория преумножения роли сознательного элемента в движении, идеология «хлостизма» — логическая основа всякого оппортунизма. — пишет т. Сталин («Вопросы ленинизма», изд. 6, 1929), относя это определение к преклонению перед стихийностью в рабочем движении. Преклонение перед мужичьей стихией представляет собой опасность, надо полагать, более серьезную.

Мы не считаем, что такого рода высказывания т. Серфимовича могут особенно повредить самому т. Панферову, ибо творчество т. Панферова как раз разоблачает сущность этой стихии. Но умудрение т. Серфимовича перед «мужичьей стихией» может повредить весьма многим молодым писателям, которые иногда слишком склонны полагаться на свое «рабочее нутро», а если ни почувствуют идею, что не только рабочее, но и «мужичье нутро» вывет, то вряд ли от них можно будет ожидать произведений, достойных нашей эпохи не только в смысле формы, но и в смысле содержания.

Мы сильно сомневаемся, соглашались ли т. Панферов с тем, что социальное содержание его вещи — стихийная мужичья сила, корявая и неорганизованная. Это во всяком случае совершенно новая точка зрения на творчество пролетарского писателя, и точка зрения по меньшей мере спорная.

В ответ на указания по этому поводу А. М. Горького т. Серфимович, вооружившись цитатами из Ленина, пытается доказать, что не все в крестьянстве плохо, что в крестьянстве две души, одна — душа мелкого собственника, другая — душа труженика, что, как гениально утверждал Ленин, крестьянина возможно направить как труженика по одной дороге с пролетариатом, под его руководством, что, наконец, в прошлом — опыт крестьянских восстаний, пугачевщина... Короче говоря, на указание А. М. об опасности преклонения перед «мужичьей стихией» т. Серфимович ответил развитием к делу выступлением против троцкизма, обнаружив при этом некоторую путаницу понятий, которую совершенно необходимо распутовать.

Опираясь на высказывание Ленина о двух душах крестьянина, т. Серфимович приходит к совершенно неожиданному заключению: «Решительно неверно, — обращается он к М. Горькому, — ваше утверждение, что мужик фабрикует в одну сторону только «нишук», в другую — только «миродо». Неверно. Решительно неверно».

Почему же так решительно? Конечно, было бы неверно, если бы кто-либо взлез утверждать, что колхозное крестьянство фабрикует в одну сторону нишук, в другую «миродо». Но коллективизация сельского хозяйства приводит к парной мысли для того, чтобы опираться на эту точку зрения, нужно душу труженика, переосмыслить его, сделать социалистическим человеком и уничтожить таким образом «мужичью стихию», стихию мелкого собственника. Тот факт, что крестьянин в массе мелкий собственник, приводит к тому, что интересы его были противоположны интересам крупного собственника, что давало почву для бунтов и восстаний и создавало у народных масс иллюзию о «мужике» как о носителе «коммунистических идей». Понятие «мужик» — понятие не тождественное колхознику, а противоположное ему, ибо в колхозе как раз изживается мужичья мелко-собственническая стихия. «Мужик» есть мелкий товаропроизводитель, и в этом сущность «мужичьей» стихии. Вспомните, что говорил о мужиком товаропроизводителе Ленин:

«... мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, следовательно, мелко-стихийно и в массовом масштабе».

Что значит, что мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, что оно «фабрикует в одну сторону нишук, а в другую «миродо»? Правда, т. Сталин неоднократно указывал, что «грубая» дифференциация крестьянства у нас невозможна потому, что наличие советской власти и национализация промышленности и средств производства не допускает такого развития. Но это означает, что еще в то период (до начала сплошной коллективизации) пролетарское государство обязано оказывать «мужичью стихию», направляя ее в нужное русло и постепенно преобразовывая ее в «мужичью» мелкого собственника. «Мужичья» мелко-собственническая стихия есть одно из препятствий к построению бесклассового общества.

Ленин писал:

«Уничтожить классы — значит не только прогнать помещиков и капиталистов... это мы сравнительно легко сделаем... это значит также уничтожить мелких товаропроизводителей, а их нельзя прогнать, их нельзя прогнать, с ними надо бороться, переосмыслить только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой».

Здесь с гениальной ленинской точностью выражена с одной стороны, возможность взаимосоотношения «мужичьей» возможности переосмысления его, с другой (чего не учитывает т. Серфимович), опасность «мужичьей» мелко-собственнической стороны крестьянства, которую путем длительной, медленной, осторожной организаторской работы необходимо уничтожить.

Эту работу, под гениальными руководством т. Сталина, и протолкает сейчас наша партия. Но уничтожить мелких товаропроизводителей путем переосмысления их — значит уничтожить ту самую «мужичью стихию», о которой с таким восторгом пишет т. Серфимович.

Но эта основная, крупная ошибка А. С. Серфимовича является результатом того, что т. Серфимович пытается защитить другую ошибку по вопросу о языке. Ведь сирбор заргорелся из-за указания А. М. на неправомерность засорения литературного русского языка иными нелепыми и непонятными местными речениями и словечками, вроде «эскукулязия», «эбланын», «эвнхурдывать» и т. д. т. Серфимович решительно ополчился в защиту «эскукулязия».

«Вы привели верхнюю уродливую «идиотическую» словечек: «эскукулязия», «эвнхурдывать», «энебо бурваннило» и пр. Но какое же все это имеет отношение к Панферову? Где у него это глупое «эскукулязия»? Ведь у него совсем другое — он использует народную речь». Предоставляем читателю судить о том, какое отношение имеет «эскукулязия» к «эскукулязии» (по нашему мнению прямое), и почему «эскукулязия» — глупое, а «эскукулязия» — народная речь? Что следует называть народной речью? Огромные просторства старой русской обусловленные отсутствием железных дорог разобщенность отдельных ее частей, неподвижность выросших в своей каменьях крестьян, всеобщая неграмотность — были причиной того, что в различных областях процветали различные отклонения от общерусской речи, иногда особые, довольно уродливые выговоры, иногда и особые словечки, распространенные на протяжении нескольких волостей, уездов, и вызывающие насмешки или просто непонятные в соседней уезде, в соседней губернии. Подхватывание каждого такого словечка и объявление набора их «народной речью» было незаконно, всегда и становится особенно незаконным сейчас, когда широчайшее распространение грамотности, повсеместное общение, колхозное крестьянство между собой, с рабочими, с партактивом, когда продвижение наше по пути уничто-

жения противоположности между городом и деревней все более эти уродливые особенности делают просто вредными. Объявлять одно из местных крестьянских наречий «языком миллионов», новым революционным языком, у то время когда существует идиотский «эскэскукулязия» и прочих «эбланын» настоящих новых революционных язык, язык, на котором действительно говорят миллионы, язык Ленина и Сталина, ажно было бы сделать шаг назад, в сторону к крестьянской ограниченности.

Очень естественно поэтому, что, став на защиту этого положения, т. Серфимович принужден был выдвинуть такой арсенал, как «мужичья стихия», «корявая сила» и прочие «эспоскные правды».

Но уже совершенно чудовично брошено т. Серфимовичем А. М. Горькому обвинение, что он, якобы, в открытом письме предлагает ближнему не подпускать к перу выросших в рабочих массах писателей, пока они не приобретут отличного языка. М. Горький, десятки лет яничавший и пестовавший рабочих пролетарских писателей, до сегодняшнего дня читающий сотни рукописей молодых рабочих-писателей и каждому дающий конкретные указания, радующийся каждому дарованию, он, вырастивший десятки на ныне пишущих крупных советских писателей, это он-то не знает, куда же девать выросшие из рабочих массы, в великом социалистическом строительстве, несущие и несущие неопытные знания Маркса — Ленина — Сталина бесчисленные литературные рабочие кружки. Нет, не у М. Горького, а у т. Серфимовича убито чувство действительности. И убито настоящие, что признает Горького об учебе молодых писателей, его справедливое указание на то, что языковая лексическая малограмотность всегда сопряжена с низкой культурой, а у художника приводит неизбежно к идеологической путанице, к искажению действительности, он пытается изобразить как выступление молодых писателей, как выражение против революционного языка, позволяя себе недопустимую аналогию с контрреволюционным профессором, выступившим против языка Ленина.

И затем — рабочие литературные кружки, конечно, должны пользоваться вниманием, опекой, чутким товарищеским подходом со стороны старших писателей и всей советской общественности. Но сказать об этих литературных кружках, по крайней мере на три четверти состоящих из совсем зеленых рабочих молодежи, в значительной части талантливой, но, безусловно, малограмотной и лексической, и идеологической, которой нужно долго и упорно учиться, сказать об этих литературных кружках, что они «несут несущие непатриные знания Маркса — Ленина — Сталина» — это ли не захлывание, это ли не лакировка!

Вот где поистине убито чувство действительности.

И, наконец, в защиту права на «словески» т. Серфимович привлек три столба выдержки из иностранной прессы, с похвалой «Брускам» Панферова, снова намекая, что недостатком романов в три тома является только фаншты и неопытность. Не будем спорить о том, что т. Серфимович взял из себя совершенно лишнюю тушу, в ответ на указание М. Горького о необходимости работать над формой, доказывать выдержками из иностранной прессы, что т. Панферов написал ценное произведение, отражающее сдвиги в деревне. Как раз этого никто не оспаривал.

Речь идет только о том, можно ли и нужно ли критиковать такого писателя, как Ф. Панферов. Распространяется ли «самокритика» вежливо на лица «такие и на крупных писателей. И вот тут возникает некоторый побочный вопрос. Если текоч авторитетному критику, к М. Горький, любимому и уважаемому всей страной, всем трудящимся человечеством, призванному нашей партией к руководству советской литературой, в ответ на несколько указаний т. Панферову бросается т. Серфимовичем обвинение в утере чувства действительности, проводится аналогия с «ленскими профессорами» и пр. и пр., — то что же делает т. Серфимович с менее авторитетным критиком, который решится высказаться критически о некоторых сторонах творчества Ф. Панферова? Ведь этак пикирует страшно будет!

И о последнем тезисе ответа т. Серфимовича А. М. Горькому. На указание А. М. что писатели, обещанные доверием масс, авторитетом, всеобщим уважением, «протопопы», по шутливому выражению А. М., не должны относиться легко к этому своему авторитету, используя его для пережевывания того или другого писателя, т. Серфимович отвечает, что сейчас «протопопы» нет, и они не нужны, ибо «литературой руководит наша партия, и только она, наша великая партия, руководит внимательно, умело, наумительно глубоко» и т. д.

Это не подлежит сомнению. Но нельзя забывать, что партия руководит литературой не безлично, а через людей, что партия поставила во главе Оргкомитета советских писателей Алексей Максимович Горький, поставлен потому, что он, по выражению Ленина, является «непререваемым авторитетом» в вопросах художественного творчества. Потому что ему, по выражению того же Ленина, в вопросах литературы «все книги в руки», потому что он является величайшим пролетарским писателем мира.

Именно поэтому поднят А. М. Горьким вопросы о борьбе за ичестное художественное литературы заслуживают гораздо более серьезного к ним отношения, чем то, которое было пока обнаружено.

Иллюстрация худ. П. Митурч из книги Н. Дементьева «Мать» (Выходит в «Советской литературе»).

О МУЖИЧЬЕЙ СИЛЕ

Косые брови,
Летят цветы,
В озерках ледит вода!
И птички растут,
Растут кусты,
И, кажется,
Навсегда меняется запах
И звук и свет.

А ты далеко сейчас,
На ты в нашей стране
Расставания нет,
И нет разлуки
У нас.

Тебя
Уносила из Москвы
Самолет,
Расстланный облака,
И посыл гревел,
Потрескивал лед,
Укачивала река.

Летели влогонку
Открытки друзей,
И чай проносил
Проводник,
И ветер кричал:
«Скорей, скорей,
И в мостах
Свистел твоих».

Мих. РУДЕРМАН

Ну, что же,
Мне не с кем
Пойти в кино,
И не с кем
Поговорить,
Но я не буду
Смотреть в окно
И до рассвета
Курить.

И я не брошу
Тебе «не забудь»
(О, как бы смеялась ты).

Тебя отравила Северопуть
В неопытные льды.

Лечить
Низкорослых, веселых людей
С глазами
Цвета пурги,
Их мадальных жен,
Меховых детей
От сыфляса и пыга.

На длинных
собаках
Ночной порой
На первый вызов
Лететь.

Пожалуй, что ты
Настоящий герой,
Но нам
Мне тебя воспеть?

Когда и другие
Женщины есть,
Также же, как и ты,
Большие слова
Запевают в их честь
И зашевелили льды.

Но как хорошо,
Что похожа на них,
И все ж — для меня одна,
И ветер
В мостах свистит твоих,
В работе — растет страна!

О мужестве
Наших подруг и сестер!
О мужестве матерей!
Над миром поет
Предвесенний хор

Где мир еще не одет,
И неутроен сейчас.

И как хорошо,
Что разлуки нет,
Что нет расставания у нас!

Выставка молодых художников

В Москве на Кузнецком мосту в Большом зале «Всехудожники» готовится выставка произведений молодых художников. Можно смело утверждать, что выросшее творчество художественной молодежи на суд общественности окажет огромное влияние на дальнейший рост всего советского изобразительного искусства.

ВСЕОБЩАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

21 марта Оргкомитет ССП СССР созывает в Москве первую всеобщую конференцию советско-германских писателей. На конференции будут присутствовать делегаты из республик немецкой Польши, из немецкого района Украины, из немецкого района Западной Сибири, из немецкого района Бюко-Ондар (Крым), из Ленинграда и из других областей и республик.

ОБЕДИНЕНИЕ РАБОЧИХ-АВТОРОВ

При Профинзате создано объединение рабочих-авторов. Задачи объединения — помочь начинающим рабочим-писателям создать творческую среду, повысить качество учебной работы Кабинета рабочего-автора (семинары, творческие бригады драматургов, поэтов, прозаиков), помочь Кабинету организовать индивидуальную учебу.

КНИЖНАЯ ВИТРИНА

В изд-ве «Академия» вышли: ★ Роза Люксембург — «О литературе». В сборнике собраны статьи Р. Люксембург об Адаме Мильеве, Шеллере, Лье, Толстом и Короленко. Вступительная статья И. Нусинова. ★ Жюль Валлес — «Юность». 2-я часть трилогии «Жак Вентра». Первая и третья части выйдут в ближайшем времени.

ПО ЛИТКРУЖКАМ

★ В Македском районе за последние полгода значительно оживилось литмассовое движение. Сейчас здесь работает 7 кружков. Они ведут регулярные занятия (за период ноябрь-февраль проведено 78 занятий). Литкружки развлекли массовую работу, например, в ноябре-феврале они организовали на шахтах 12 литсеверов, выпустили 7 номеров литературных стенок газет. 10 литстранец в многотиражках в общешахтных беседах 14 литературных бесед и 5 читательских конференций.

Иностранный рабочий хочет читать...

А ЧТО ДЕЛАЕТЕ ВЫ тов. КРЕПС?

У инорабочих и специалистов московского завода «Динамо» есть своя библиотека. В ней — 22 читателя. В течение прошлого года они прочли 259 книг. 19 немцев и 3 американца читали учебную литературу (12 книг), литературу политическую (38 книг) и, главным образом, художественную литературу — 209 книг из 259.

Слева — читальный зал библиотеки иностранной литературы. В центре — урок немецкого языка в той же библиотеке. Справа — витрина художественной литературы на немецком языке в Доме Книжки.

Вечер Б. Шергина

16 марта групповым издательством «Советская литература» был организован вечер сказителя и автора поморских сказок Б. В. Шергина. Около 15 сказок рассказав Б. В. Шергина и наивно-печальных, и скоромных-шутливых, и сатирических, и трагических, проникнутых истинным драматизмом быта поморцев.

Драматурги в гостях у ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА

Если организованному журналом «Театр и драматургия» встрече с мхатовцами считать не случайным эпизодом, а началом, вступлением к целому циклу подобного рода встреч, то ее следует признать вполне удавшейся: она предвещает плодотворную дискуссию по основным вопросам советского театра, в частности по вопросу о взаимоотношениях МХАТ с драматургами наших дней.

МОСКВА В ГОЛОВЕСКИЕ ДНИ

Приближается 125-летняя годовщина со дня рождения Гоголя. Москва отмечает этот юбилей устройством ряда вечеров, концертов, торжественных заседаний, посвященных творчеству великого писателя.

«Бесплатное приложение»

Неоперно велико количество описок в книгах. (Из газет). РИС. ЕВГЕНА

МАССОВОЕ ИЗДАНИЕ КНИГИ О БЕЛОМОРСТРОЕ

Массовое издание книги о Беломорско-Балтийском канале (история строительства) будет выпущено в конце марта тиражом 125 тысяч экз.

В ПОИСКАХ ЖИЗНИ

На днях состоялся творческий вечер литгруппы «Новь» при редакции «Крестьянской газеты», посвященный молодому поэту Павлу Курякину.

«АРХИТЕКТУРНЫЙ ДЕКАДИК»

«СКУЛЬПТУРА В ГОРОДСКОМ АНСАМБЛЕ»

Архитектор А. В. Бунин выступил в Союзе советских архитекторов с докладом по материалам написанной им совместно с М. Г. Кругловой книги о скульптуре в эпоху Ренессанса. В свете разрабатываемой нас строительством социалистических городов и связанных с этим задач архитектурно-скульптурного оформления ряд положений доклада т. Бунина заслуживает особого внимания.

НА ЛИТЕРАТУРНОМ ДЕКАДИКЕ «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»

КНИГИ О ПОЛИТОТДЕЛАХ

Очередной декадик журнала «Великий перелом» был посвящен обсуждению вышедших в последнее время книг советских писателей о политотделах. — 1933 год — год создания политотделов — сказал в своем вступительном слове т. Ставский, являясь годом роста организационной работы партии в деревне. Работа эта поручена лучшим большевикам, которых партия с особой строгостью отбирала и проверяла перед посылкой в деревню. Поэтому естественно тот большой интерес, который существует у массового советского читателя к работе политотделов.

ВСТРЕЧНИЙ СЧЕТ ПРЕДМЯТ ТЕАТРА

Встречный счет предметов театра т. Ю. Юозовский. Он говорит о том разочаровании, которое доставили последние постановки МХАТ «Таланты и поклонники», «Егор Булуцкий» и ряд других. Пьесы эти оказались в театре идеями, которые далеко не выжили, а в театре зритель должен был паковать, либо смеяться, либо не паковать, либо плакать, либо не плакать, но высокие обобщения, идея придет после. Была бы идея, и в высочайшем искусстве, в этом мы убеждены и, оставаясь в этих позициях, мы победим, как победим в прошлом, невзирая на то, что и тогда часто не хотели за свертками, занавесками и тому подобными атрибутами увидеть подлинный смысл того, что мы показывали.

ВНИМАНИЕ НАУЧНЫХ И НАСЛЕДСТВЕННЫХ БИБЛИОТЕК

ВНИМАНИЕ НАУЧНЫХ И НАСЛЕДСТВЕННЫХ БИБЛИОТЕК, а также исследователей учреждений, научных и культурно-просветительских организаций и др. ВНИМАНИЕ НАУЧНЫХ И НАСЛЕДСТВЕННЫХ БИБЛИОТЕК, а также исследователей учреждений, научных и культурно-просветительских организаций и др.

ИЗВЕЩЕНИЯ

★ 19 марта в 19:45 час. в помещении Оргкомитета ССП (ул. Воросского, 52, Оргмасовый сектор), состоится творческий вечер Льва Кассиопа. ★ 19 марта, в 19:45, в Оргкомитете ССП (ул. Воросского, 52) клуб молодых писателей организует творческий вечер Егорьевского объединения. Со своими произведениями выступят Н. Баскин, Ф. Гордеев, Ф. Дюков, А. Кирсанов, Крымко, Сафронко, Смирнов, Сигала и др.